

Э.Э. Ухтомский

К событиям в Китае. Об отношении Запада и России к Востоку

E.E. 乌赫托姆斯基

关于在中国发生的事件。论西方和俄罗斯对东方的态度

Ukhtomsky E.E.

On the Events in China. On the Attitudes of the West and Russia towards the East

От редакции

В этом номере мы публикуем часть изданной в 1900 г. брошюры Эспера Эсперовича Ухтомского «К событиям в Китае. Об отношении Запада и России к Востоку», в которой он излагает свою «Философию истории русского слияния с Азией». Князь Э.Э. Ухтомский (1861–1921) – довольно яркий и оригинальный публицист, дипломат и общественный деятель последних десятилетий Российской империи. После окончания Санкт-Петербургского университета (1884), где он заинтересовался буддизмом, служил в департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства иностранных дел, ездил в Монголию, Китай и Забайкалье. В 1890–1891 гг. сопровождал цесаревича, будущего императора Николая II, в его путешествии на Восток на крейсере «Память Азова», путевые впечатления и наблюдения описал в трехтомнике «Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича»¹.

С 1896 по 1910 г. Э.Э. Ухтомский был председателем правления Русско-Китайского банка, входил в состав правления Общества Китайско-Восточной железной дороги, был большим энтузиастом развития отношений с Китаем. С 1896 по февраль 1917 г. – издатель «Санкт-Петербургских ведомостей».

¹ Ухтомский, Эспер Эсперович. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891: [в 3 томах, 6 частях] / авт.-изд. Э.Э. Ухтомский; ил. Н.Н. Каразина. Санкт-Петербург; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1893–1897.

В публицистических трудах Э.Э. Ухтомский выступал твердым монархистом и одновременно противником западного колониализма в Азии. Россию, имеющую внутри себя значительный этнический азиатский элемент, он считал страной по культуре и духовности более близкой к Азии, чем к Европе. Он предлагал не присоединяться к колониальной политике западных держав, а, напротив, стать гарантом целостности и безопасности азиатских государств, прежде всего, Китая, которые в свою очередь согласятся с ведущей мировой ролью русского «Белого царя».

Все эти мысли в концентрированном виде высказаны в публикуемом тексте. Чтение трудов Э.Э. Ухтомского, которого в какой-то степени можно назвать предтечей евразийства, наводит на мысли о преемственности консервативных идей в России и некотором сходстве их судьбы. Умер князь Ухтомский в 1921 г. в уединении в своем доме в Царском Селе.

Текст публикуется по изданию: Кн. Эспер Ухтомский. К событиям в Китае. Об отношении Запада и России к Востоку. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1900. С. 42–87. Орфография изменена на современную, пунктуация оставлена без изменений.

Глава VIII. Почему нас понимает Азия

...Мы, русские, будучи по престижу первые в Азии, добровольно пока уступаем кому придется, свою историческую роль и завещанную предками миссию главарей Востока. От подобного ненормального положения вещей в смысле материального процветания выигрывают, что ни год, представители западных начал, – чуждые по духу и, в сущности, ненавистные тем народам древнего типа, которым они пушками навязали общение с собой: Бирмы, Камбоджи, Аннама больше нет, Сиам – накануне опасных катастроф извне; один Китай² на страже своих и бессознательно на страже русских интересов со змеиной мудростью отстаивается, копит силы против заморского врага, тоскливо озирается на безмолвный Север, – единственное государство, откуда воспитанная в принципах самодержавия страна богдыханов может и привыкла ждать нравственной опоры, бескорыстной помощи, фактического союза на почве взаимных интересов.

На этом Севере тумана, тайги и льдов, – в крайней Восточной Сибири Хабаров и ему подобных удальцов, – еще почти повсеместно царят первозданная тишина, глубочайший покой, неподвижность околочения. Лишь в исходе века, с проложением новых путей, для нашего восточнейшего побережья может настать новая эра с неожиданными последствиями, а пока на нем, конечно, почует печать чего-то несложившегося и грустного словно быт коренных насельников. Тем больше внимания и беспристрастного суждения требуется от всякого, кто хотел бы провести поучительную параллель между благодатными странами открывшегося «белому» человеку тихоокеанского юга с его изумрудною Явой, неисчерпаемыми естественными богатствами индо-китайских земель, самоуверенной жизненностью Небесной империи и т.п.

² Написано в 1891 г., но не утеряло смысла даже в данную минуту, когда китайцы задают Западу хороший урок (здесь и далее прим. Э.Э. Ухтомского, приводимые по тексту оригинального издания, если не указано иное). («Данная минута» здесь – 1900 год. – *Примеч. ред.*).

с одной стороны, когда с другой, – рисуешь себе топь и глушь, необъятные пустынные окраины государства, которое, – при всей их кажущейся убогости и суровости, – призвано быть очагом света для смежных с ними пространств с потерявшим себе счет населением.

Крошечная Голландия обладает в районе Азии свыше, чем тридцатью миллионами жителей (да еще у экватора, где природа – рай!): важнейшая держава, в пределах этого материка, на трети его не насчитает и половины такого числа подданных.

Колонизаторы с Запада поделили, хоть и не без зависти и не без вражды, лучшие приморские области иноплеменной суши. Такие города с мировым торговым значением, как созданный на голом скалистом острове Гонконг или «Львиный город» (Сингапур), красноречивее всего служат доказательствами европейской неутомимой предприимчивости в противоположность азиатской спячке. Но питаюсь соками самого гигантского материка и держа, когда можно, в экономическом рабстве сотни миллионов многострадальных двуногих существ, уповают ли пионеры цивилизации на будущий успех? Лепясь по уступам и краям обрыва, разве не пребывают они в вечной тревоге, что камни зашевелиятся и бездны не избежать?! Когда весь Восток рано или поздно проснется, разбуженный беспокойными элементами попирающей его белой расы, – когда он, подобно Илье Муромцу, почувствует в себе силу великую и захочет сказать «свое слово», – тут одними угрозами, грубым насилием и случайным поверхностным разгромом внутреннего разлада не утишить. Вот почему России выпала на долю благая часть незримо крепнуть среди северных и степных пустырей в ожидании спора двух миров, где не им обоим будет принадлежать решение. Вторжение в чужой замысловатый строй, эксплуатация Азии во славу жалких эгоистических предубеждений современного *soit-disant*³ образованного человечества нам претит. Мы слишком двести лет оставались дома, – ибо нельзя называть естественное слияние с Туркестаном и Приамурьем политическими захватами, – мы оставались дома с традиционной беспечностью и могучей ленью, пока Тихий океан становился ареной западноевропейского натиска на туземцев со старинным государственным устройством и несомненно культурой.

Результаты налицо. Пришельцы по мере возможности обидели и развенчали Восток. Куда они приходят для житья и наживы, – это им не родина, какую, например русскому быстро делается любая окраина, – это им не братья по Божескому и людскому закону: это для них – страна добровольного тоскливого изгнания, а народ – скоты. Последние мало-помалу реализуют в сознании значение такого возмутительного взгляда и платят «учителям» сугубой неприязнью: где и как, однако, искать защиты, оплота против иноземца-врага?

Народное мифологизирующее творчество не дремлет. Чем бодрее на Азию наступают Европа, тем светлее там озаряется в устах молвы и предания Белый Царь. Откуда зародилась идея об Его существе, чем уяснить обаяние одного уже имени?

В глубине нашего средневекового прошедшего наверно таится причина вещего явления... Когда из праха и беды, после тяготейшего унижения и потоков крови христианская Русь начала складываться в стройное целое загадочно-привлекательную

³ Так называемого. – *Примеч. ред.*

амальгамою Ирана и Турана, – ее лучшие Князья, ее богоугоднейшие Святители заставили себя уважать восточными государями, – нравственными качествами поразили победителя-монгола наравне с инородцем Поволжья, принимавшим нашу речь и быт. В ту пору наихудших испытаний, – при владычестве Чингисханидов, которым Индия и Тибет, Индо-Китай и Небесная империя, Самарканд, Афганистан и Персия были одинаково, хотя и временно подчинены, – «великие печальники и молитвенники за землю русскую» духовно завоевали нам симпатии азиатских народов. Что раз упало на такую восприимчивую почву как фантазия и чувство восточного человека, – никогда не забывается, но дает ростки и плоды. Мы сильны там, на бесконечных рубежах своих, не только былой и настоящей казацкой удачью, не только условной подготовленностью вести (от чего Боже упаси!) войну, – а главным образом и почти, можно сказать, исключительно: доброй вестью, облетевшей и облетающей азиатский материк, о праведной жизни и делах представителей давно угасшего поколения.

Вот сколь далеко проникают лучи от могилы тех, кто широко понимал и горячо любил свое отечество: иные звезды померкли, ибо их прежний свет идет и разгорается по безбрежью вселенной!

Глава IX. Что олицетворяет собою Китай

В Англии укоренилось ни на чем не основанное убеждение, будто русских сознательно притягивают Инд и Ганг, будто казачки убаюкивают детей певучими сказками об Агре и Деккане⁴. То, что в нас вызывает улыбку, представляется реальной угрозой Альбиону и отчасти служит в нашу пользу: конечно, нам не нужна симпатичная пестротканая Индия с ее конгломератом племен и верований, – но нам в помощь возникла идея-миф о вечно возможном наступлении за Гиндукуш неотразимого Севера. Как искусно и прозорливо ни пытаются доказывать дипломаты и стратеги из-за Ламанша, насколько подобное движение неосуществимо, – история гласит противное: «белый» пришлый элемент сам убежден в неминувости такого похода, в конце концов на ту же тему любит ткать узорчатую повесть тысячеустая базарная молва. Тем хуже для имеющих причину опасаться!

Совершенно иначе обстоит дело по отношению к Китаю и китайцам. Этот великий по труду и терпению народ, – создавший государственно мудрого Конфуция и пересозданный последним, давший в области глубоких умозрений мыслителя вроде Лао-цзы, доведший до высшей степени высоты и простоты культ монарха и культ бессмертия достойных перед отечеством предков, – наш лучший по уживчивости и удобнейший по консервативным качествам сосед. Первобытный характер сношений с ним и взглядов на него до того очевиден, что мы, заставляющие себя более или менее определенно говорить о своих симпатиях и антипатиях к тем или иным державам, в сущности, теряемся, когда речь заходит о Китае. По-видимому, непроницаемое четырехсотмиллионное целое зараз кажется нам живой угрозой будущего и в то же время какой-то безусловной *quantite negligible*⁵. Каждый русский еще недавно

⁴ Деканское плоскогорье. – *Примеч. ред.*

⁵ Ничтожно малое количество. – *Примеч. ред.*

априори соглашался с мнением Пржевальского, что достаточно горсти⁶ нашего войска для покорения всей империи богдыхана, но параллельно страшит сама мысль глубже врезаться в тину жизненного строя желтой расы, где сравнительную молодость и энергию, идеалы и творчество России, быть может, ждет медленная смерть...

Еще зловеще, однако, представляется гипотеза о скором хотя бы и чисто внешнем воцарении западных начал над доисторическим по складу Китаем. Один факт признания им права за иноземцами («заморскими чертями») проникать к сердцу страны, хозяйничать (при лучших намерениях!) во внутренних непомерно богатых областях ее, будить и подымать на беспощаднейшую struggle for life (по наиновейшим научным данным) столь долго каменевшие среди естественных сокровищ своей родины несметные общинные единицы гигантского спящего государства, – один только этот факт должен быть чреватее последствиями, чем десятикратный добродушный погром китайцев нашим оружием, чем даже небрежное управление ими с нашей стороны. Если европейцы (я особенно имею в виду англичан) твердо установят свою власть над политически дряхлым, экономически юным царством богдыханов, – они легко способны пересоздать его во «вторую» гораздо более пригодную к эксплуатации неистощимую по ресурсам Индию.

Желтолицему туземцу, по характеру презирающему узы земной жизни, нет причин не сделаться таким же полезным для колонизаторов солдатом, слепым исполнителем их холодной воли, каким служат самоотверженные и преданные полковому знамени сипаи. То, чем на беду соотечественникам в южной Азии стал послушный военным инструкторам «black man», – не менее скоро будет и «yellow man». *Наша главная задача на «желтом» Востоке преимущественно должна заключаться в ограждении себя от подобных случайностей, дабы не лить потом напрасно драгоценной русской крови и не тратить огромных денег в борьбе с набившимися напастями, которые всегда нужно предвидеть и предотвращать*⁷.

Для того чтобы сознательнее действовать в восточноазиатских пределах, следует уяснить себе наше историческое и, смело скажу, «предвечное» положение на гранях противоположнейших культур. Запад нас умственно дисциплинирует, но в общем лишь тускло отражается на нашей жизненной поверхности. Все под ней и в недрах народного быта проникнуто и дышит глубоко восточными умозрениями и верованиями, овеяно жаждою высших форм бытия и широкими человеческими стремлениями совершенно иного вида, чем в корне убиваемое материализмом мирозерцание современных европейцев среднего уровня. Азия бесчисленное число раз затопляла Русь своими ордами, крушила своим натиском, претворяла в нечто однородное с Персией и Туркестаном, с Индией и Китаем. Мы до сих пор не имеем, да и не можем найти за Каспием, Алтаем и Байкалом ясно очерченного рубежа, естественно точной демаркационной линии, за которой бы кончалось собственно «наше». Оттенки перехода, особенно от русских владений к китайским, столь неуловимы, что и выразить нельзя. У нас, например в центральных областях (среди Войска Донского и Уральского) есть казаки-буддисты, единоплеменные давним кочевым данникам Пекина. На

⁶ Так, пожалуй, и было до японо-китайской войны.

⁷ Напечатано (увы, тщетно!) еще несколько лет тому назад.

реке Маньче встречаешь лам в одинаковом облачении с принятым на крутизнах Тибета. Северно-буддийские духовные лица свободно переезжают от Калькутты до Сибири и даже до нашей столицы. Грандиозная панорама, представляемая природой наших старинных восточных окраин, совершенно соответствует той, среди коей складывались характеры недостаточно истолкованного историками «забайкальца» Чингис-хана, выдающихся созерцателей и аскетов монгольской крови, но с чисто индийским мировоззрением, наконец также олицетворявших собою «русско-инородческую удаль и мощь» казаков – завоевателей Востока. Кто видел и знает тамошнюю угрюмо-величественную пустыню, сторожащую недра земли с непочатыми безмерными богатствами, – должен понять с одного взгляда, каким образом дух человеческий тут вечно искал или крайнего самоуглубления, или богатырского порыва развернуться вширь, сдвинуть с пути непреодоливейшие преграды, успокоиться лишь при достижении невозможного, удовлетвориться лишь при осуществлении неисполнимого... В нас воплощен и боевой и мирный отпор христианского Запада хаотическим азиатским мирам с несомненным культурным прошлым и вместе с тем одряхлением от недостатка внутренней творческой работы, обусловить которую может исключительно «деятельная» вера. На примере России восточные народы научатся понимать и ценить такую «веру», дающую сердцам умиротворение (не меньше, чем дает усыпляющий мятежную волю буддизм) и жизнерадостный возрождающий человека рассвет, – чего нет или, точнее, что слишком затаенно в скорбном культе «царевича-мудреца» Будды, в узком рационализме Конфуция, в сухом отражении монотеистических истин ислама. Вот разгадка нашего по масштабу единственного в истории успеха покорять себе царство за царством не только открытой враждой и военной доблестью, но и тайными силами приязненных чувств, неискоренимой потребностью находить в каждом разумном существе любой религии, любой расы равноправного перед Богом и Царем «меньшего товарища и брата».

Переходная ступень между нами и китайцами – монголы убежденно и бесповоротно усвоили этот взгляд на Россию и ее Верховного Вождя, являющегося для них воплощением милосердия Цаган-Дара-эхэ (одной из лучезарных манифестаций самого Будды). Тибетцы, поддерживающие весьма тесную связь с нашими бурятами, мало-помалу глубоко проникаются тождественными мыслями. Остальные подданные богдыхана – инертная пока масса, дорожащая прежде всего своим спокойствием, своими закрытыми от хищничества сбережениями, своим полем и огородом, под которыми истлели кости отцов и дедов.

Ей нужны правители, собою утверждающие и оправдывающие закон, – ей желателен такой порядок вещей, где бы ремесленник и пахарь мирно предавались традиционным занятиям, не терпя от тягостей ратного строя. Может ли искусственное пробуждение Небесной империи, ввергая ее в страшнейший водоворот мировых событий, даровать ее сынам подобные идиллические идеалы? Не внесет ли разнуздывающая людей западная культура холод жестокого разлада и муки в душу автохтона-китайца, благополучно не знавшего в течение тысячелетий, каков так называемый материальный прогресс?

Раз европейцы сами внесли и вносят разлад в жизнь политически существующих государств Азии, о них немислимо беспристрастно судить с чисто западной прогрес-

сивной точки зрения. И в прежние времена Небесная империя дивила иноземцев с побережий Индийского океана, но как трезвые и отнюдь не заносчивые наблюдатели они не осуждали чужого строя за несходство с их собственным. Если мне не изменяет память, у Френа в предисловии к “Ibn Fozlan’s Bericht”⁸ встречается достойное глубокого внимания древнеарабское изречение: «ищите знания даже в Китае». Так рещался вслух думать «правоверный» (первоначальной экзальтированной эпохи Корана) о царстве ненавистнейших языческих верований. Много ли найдется даже широко образованных лиц в наши дни, способных стать на высоту столь простой истины? Народ богдыханов считается каким-то странным и априорно достойным осуждения парией среди прочего человечества...

Близость Небесной империи дала много выгод англичанам, однако способна стать и роковой. Китайцы Гонконга – народ далеко неподатливый желаниям колониального начальства. В состав туземного элемента в значительной степени входят бродяги и преступники, находящие для себя удобным временно укрываться от преследования, на родной почве, под сень либерального чужого законодательства. Когда угрожает опасность быть все-таки разысканным и выданным, иной из них немедленно совершает какой-нибудь легкий проступок и попадает на короткий срок в английскую тюрьму, где его никакой погоне не настичь.

Неприязнь между китайцами, подстрекаемыми самими властями соседнего Кантона, и «белым» элементом колонии прежде неоднократно выражалась в крайне резкой форме.

Немудрено, если туземный элемент платил ненавистным пришельцам одинаковой монетой и в одно прекрасное утро, например, булочники начинили им хлеб мышьяком. Кантонцы (народ) беспрестанно с угрозой отзывали своих из «чужого» города, подсылали в него поджигателей и грабителей, дерзко нападали на иностранцев даже на рейде, искусно подкапывались под «индийский банк» и т.д. К счастью, явилась мысль вызвать на помощь администрации несколько сот бодрых и преданных пэнджабцев, завести так называемые «police boats» для преследования злоумышленников и контрабандистов на воде. Власти Небесной империи в свою очередь стараются усиливать надзор над последними: но что значит бдительность немногих единиц при упорстве многих тысяч противников?

Английский Сингапур, по-настоящему – не европейский город, а передовой пост быстро надвинувшейся Восточной Азии, которая, в короткий срок, мирным путем шагнула в пределы колонии «белых» и твердо в ней обосновалась. Выгеснить отсюда соотечественников богдыхана в данную минуту стало совершенно немислимо: они постепенно прибирают торговлю и ремесла в свою власть, становятся необходимы,

⁸ Речь, очевидно, идет о книге немецко-русского востоковеда-арабиста Христиана Даниловича Френа (Christian Martin Joachim Frähn, 1782–1851) *Ibn-Fozlan’s und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit* (Рассказы Ибн-Фослана и других арабов о русских древних времен). СПб., 1823. Имя знаменитого арабского путешественника сейчас принято передавать на русском языке как Ибн-Фодлан. – *Примеч. ред.*

способны – когда угодно – образовать государство в государстве: между ними, смотря по месту рождения каждого (по провинциям Небесной империи, которые по колоссальности и разнородности довольно чужды друг другу), возникают целые твердо организованные общества, где таинственная связь отдельных человеческих единиц, в смысле сплоченности против внешнего мира, не оставляет делать ничего лучшего для борьбы с препятствиями и для материального успеха. Иные нищие, при таких благоприятных условиях, без особого труда богатеют и стремятся назад в родной Китай.

Страшная сила подобных союзов была бы угрозой коренным жителям и колонизаторам, не враждуй эти гигантские братства между собой: у них, говорят, даже есть свои наемные бойцы, всегда готовые к столкновениям с соперниками. Конечно, когда-нибудь инстинкты расы возьмут верх над причинами раздора и тогда еще вопрос, как будут укрощать эту работающую, но неприязненно настроенную чужую чернь: разве вооружат местных малайцев?!...

Среди сингапурских китайцев многие ухитряются добыть большой капитал и достигнуть известного положения. В законодательном совете колонии заседает их представитель. Вчера еще перекатная голь, сегодня богачи, они поселяются в красивых виллах с причудливыми садами, выезжают на прогулку в элегантных экипажах, курят только дорогие сигары и т.д. В первой половине века особым значением пользовался в этой среде миллионер Вампоа⁹, из крайней бедности самоучкой дошедший до образования и развития на европейский лад. О нем – как интересном типе – отзываются Гончаров, адмирал Бутаков и другие русские, заглядывавшие в ту пору в Сингапур: этот даровитый и предприимчивый человек собирался побывать в Кяхте, в Иркутске, в Москве. Не знаю, удалось ли ему туда направиться. Во всяком случае одно уже подобное желание характерно для человека, обязанного своим благополучием английской колониальной политике!

Глава X. Принципы жизни Китая

Неисчислимо как песок морской население Небесной империи в культурно-историческом отношении представляет собою величайшую загадку. Это – в полном смысле слова «народ-сфинкс», ярко отразивший и до сих пор невозмутимо отражающий всеми формами своего бытия государственную жизнь древнейшего Египта, ассиро-вавилонской цивилизации, вообще типичнейших монархий восточного мира. Что «Сыну Неба» так называемый «западный» в корне анархический прогресс, когда перед его духовным оком вечно встают величественно мудрые образы преемственно с ним связанных, архаически настроенных правителей-самодержцев, у которых идеи о народном благе тесно обусловлены были возможностью их осуществлять и всему, нуждающемуся в помощи, ее оказывать? Какой смысл для богдыханов имеет или имела бы погоня за современностью и популярностью (в широком смысле слова), как

⁹ Хоо А Кай (Hoo Ah Kay, 胡亞基, 1816–1880), известный как Whampoa (黃埔) по месту рождения в Гуанчжоу – сингапурский бизнесмен и общественный деятель, почетный консул Китая, Японии и России. – *Примеч. ред.*

ее понимают и как ее жадно доискиваются руководящие западноевропейские сферы? Цари Китая искони стояли так близко к толпе и зараз так недостижимо высоко над нею, что однородность положения создалась и донныне сохранилась лишь в России. Благодаря выгодному географическому положению, Небесной империи до известной степени легко далось первенство в пределах омываемой Тихим океаном Азии и (на пороге именно XIX столетия) она стала засыпать сном миролюбивого застоя: «желтый человек» на материке по природе не любит кровавой борьбы и кипучего напряжения; отвращение к войне в нем существует инстинктивно и, конечно, развилось (в связи с некоторого рода пренебрежением к военному делу) под влиянием сознания как беспомощны против него даже самые мужественные и беспокойные его соседи. Народ-гигант или искоренял их в качестве «мятежников», или еще чаще нравственно ассимилировал. Когда пришлось познать новых и на этот раз крайне опасных врагов (европейцев), дряблкое состояние воли и чувств у самодовольного китайского правительства помешало ему уяснить себе правду относительно собственной отсталости. Оно продолжало и продолжает смотреть на себя как на центр земли, неподготовленное понести кару за столь трогательное самоослепление.

Вряд ли о какой-нибудь стране возникали более двойственные мнения чем о Китае. Весь его национальный склад представляет для Европы живейший интерес, — особенно если принять в расчет, что на громадном пространстве Небесной империи гнездится почти треть рода человеческого с отпечатком крайней оригинальности: ни один историк и моралист не должен бы игнорировать судьбу столь бесчисленного населения, давным-давно уже выработавшего себе многие условия культурной жизни, — населения, в характере коего, вдобавок, уживаются самые разительные противоречия: блестящие достоинства наряду с самыми отвратительными недостатками...

Немецкие философы, с легкой руки Гегеля, вообще презирали Небесную империю, считая ее прототипом неподвижности. В лице Китая, по их взгляду, монгольская раса достигла высшего возможного для нее уровня развития и дальше, по самой природе своей, шагнуть будто бы не может, пребывая иссохшею ветвью на зеленоющем древе истории.

Откуда создалось такое отрицательное воззрение? Неужели только из того, что туземцы здесь не способны были вроде едва ли искренних и сознательных современных японцев сразу прийти в неописанный восторг от просвещенного состояния Европы и Америки?

Подобно эллинам, для которых почти все чужеземное долго было варварским, китайцы как масса относятся к Западу с полным пренебрежением и считают строй своего быта, результаты своей многовековой цивилизации за образец для всего мира. «Государство середины» именуют они свою родину.

Такое же, впрочем, название давали своей земле древние индусы и иранцы.

В праве ли мы, держась аналогично узкой точки зрения, признавать лишь свою «новейшую» культуру единственно здоровой и плодотворной? Кажется, на это не может быть двух ответов.

Гердер смотрел на Небесную империю как на забальзамированную мумию, изукрашенную письменами и укутанную в шелк. Другие мыслители видели в этом громадном государстве лишь сон и оцепенение, сравнивали его с болотом, предска-

звали Китаю скорое разложение и гибель. «Надобно удивляться, – восклицает в одном сочинении покойный маститый ориенталист В.П. Васильев¹⁰, – как народы Дальнего Востока, перебирающие в течение тысячелетий все одно и то же, не умерли от монотонности!» Но коснели ли они действительно в непонятном застое или жили богатой внутренней жизнью, ни в чем не уступающей европейской? Защитником Небесной империи выступил в наш век итальянский писатель Феррари. В изданном им труде “La Chine et L’Europe”¹¹ он старается доказать, будто эволюция ее шла параллельно с западной, испытывала одинаковые перевороты в области духа. «Философы там учили приблизительно во времена Пифагора; завоеватели прославлялись при Александре Македонском и римлянах; варвары нападали тогда же, когда ими громила кесарская цивилизация; императорская власть облекалась саном первосвященников при папе Григории Великом; китайская ученость процветала в эпоху Абельяра и Фомы Аквината; театральное искусство достигло известной степени совершенства, когда в Италии создавалась Божественная комедия; лучшие поэты Небесной империи, ее век возрождения и изучения своей древности близки к временам Петрарки и Боккаччо, соответствуют пробуждению классического мира. Вестфальский договор, французская революция имеют аналогичные примеры в истории Китая. В продолжение первых двух третей своего фактического существования он целым поколением опережает Европу. В средневековой период и там, и тут знаменательнейшие годы совпадают с такой изумительной точностью, что это граничит с чудом. С 1400 г. Китай отстает, быть может, лет на тридцать». Иными словами, между отдаленнейшими друг от друга странами как бы есть таинственная связь, в недрах человечества как бы производится однородная по напряжению психическая работа. Поэтому поспешный вывод, будто родина Конфуция населена (по определению Токвиля) слабоумно-варварским народом, совершенно несправедлив, так же, как и самодовольное убеждение в нашем несомненном всестороннем превосходстве над ним. Китайцы и жили и живут весьма нормально, – руководствуясь твердыми, стародавними принципами, которые одухотворяют весь их государственный организм: никаких признаков упадка, дряхлости не замечается. Соприкоснувшись с Западом, Китай сначала пришел в смущение при виде его материального могущества, но так как и сам он издавна устремлял свои взоры едва ли не исключительно на все земное, заботится особенно о благоденствии в «этой» жизни, воспитывает многие миллионы позитивистов, держится строго утилитарного взгляда на вещи, – то сыны Небесной империи, не умаляя и не превознося достоинств чужой культуры, постепенно стали усваивать ее, насколько она способна разнообразить удобства их существования и применима к естественным условиям края. Частности западного быта для китайцев безразличны: они слишком гордятся своей цивилизацией, чтобы без разбора, слепо хвататься за все иноземное, но в то же время и слишком практичны, чтобы не заимствовать оттуда

¹⁰ Василий Павлович Васильев (1818–1900) – русский востоковед, академик Петербургской академии наук, декан Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1878–1893). – *Примеч. ред.*

¹¹ Giuseppe Ferrari, *La Chine et l’Europe: leur histoire et leurs traditions comparées*. Didier, 1867. Джузеппе Ферари (1811–1876) – итальянский революционный демократ, публицист и философ. – *Примеч. ред.*

все пригоднейшее. Первое, что они с успехом сделали для реакции, это следующее: стали необходимыми пришельцам, сумели связать их в некоторых отношениях по рукам и ногам. Ни один деятель с Запада не в силах обойтись без помощи и посредства туземцев, значит, и не бывает *de facto* полным хозяином какого бы то ни было предприятия. Они являются на месте лучшими поварами, составляют весь штат домашней прислуги, становятся искусными ремесленниками на западный лад, выделяются как музыканты, фотографы и т.п. Образцовая гостиница на острове Гонконге содержится китайцами. Розничной торговлей европейскими и американскими товарами завладели коренные жители. Стоит пойти по улицам благоустроенных приморских городов в западной части Тихого океана, и видишь, что магазины с привозными вещами принадлежат туземцам. В Шанхае, говорят, сходнее можно купить кусок манчестерской материи у китайца, чем у англичанина.

Не имея себе соперников в области коммерческой сообразительности, местные купцы понемногу вытесняют иностранцев со своей территории и едва ли очень далеко то время, когда весь импорт и даже экспорт перейдет к китайцам. Уже в 1881 г. корабль «Мей-фу» отвез в Англию груз чая (32 500 ящиков) и соломенных изделий. Если сынам Небесной империи не чужда мысль самим доставлять на европейские рынки произведения своей родины, то вскоре они сами будут закупать на чужбине, что нужно. Для этого найдутся и энергия, и сноровка, и капиталы. До 1873 г. туземцы не владели ни одним пароходом, а теперь распоряжаются десятками, почти совершенно устранили иностранцев от перевозки грузов между портами Китая, стремясь от себя поддерживать товаро-пассажирское сообщение с Европой и Соединенными Штатами. Дабы не быть в зависимости от заморских держав, подданные богдыхана осторожно заводят у себя заводы, фабрики, — зная, что родина изобилует шелком, хлопком, шерстью, железом, каменным углем. Вскоре западной промышленности придется сократить свои операции и уступить значительную долю получаемых выгод китайцам, которые примерно трудолюбивы, легко всему учатся и делаются мастерами всякого дела.

Еще на рынках цесарского Рима древнекитайское железо признавалось наилучшим. Нет причин, почему бы при развитии металлургии на Дальнем Востоке оно опять не получило большого значения. Ведь не нормален же и не вечен ежегодный и притом быстро возрастающий ввоз туда на миллионы рублей иностранного железа и стали? Ведь придет же день, когда Америка, Англия, Швеция и Германия в этом отношении станут не нужны разведавшему свои неистощимые недра Китаю?

Телеграф заводится по инициативе правительства. В принципе оно решило обзавестись и рельсовыми путями, но медлило, не располагая достаточным количеством собственных инженеров и не желая отдавать эксплуатацию железных дорог пришельцам. Через 10–15 лет первое затруднение неминуемо упразднится. Много туземных юношей старательно знакомится с реальными знаниями. Умственные силы страны крепнут и растут с каждым годом. Избыток их невольно подталкивает к колонизации. Она направляется и в Центральную, и в Южную Америку, и на острова Тихого океана, и в Сингапур, и в Уссурийский край. Конфуцианский принцип глубокого уважения к науке, привычка народа трудиться над усвоением премудрости, не стесняясь числом лет, служит отчасти ручательством, что в восточной Азии со временем может народиться просвещеннейшая нация.

Для иронизирующего европейца китайская жизнь извне может представляться карикатурной, китайцев можно с пренебрежением называть «фанатиками порядка» и видеть в них чуть ли не подобие маленьких безделушек из слоновой кости туземного производства, – но, с критической точки зрения, такое высокомерие не оправдывается и когда-нибудь жестоко отомстит опрометчивым отрицателям чужой духовной мощи.

Небесную империю с политической точки зрения пока считали неподвижной и неспособной на активное наступление даже в экономически ее важные районы. Но подобные взгляд едва ли не страдает узостью. Потенциально страна богдыхана – нечто до того громадное и могущественное, что нельзя даже предвидеть, во что она разовьется через несколько десятков лет. Если Япония сумела быстро шагнуть вперед по пути материальных реформ и технических усовершенствований, – нет причин отвергать возможности одинакового пробуждения, но в более грандиозных размерах со стороны Китая. Его население не менее даровито и, вообще говоря, не менее склонно к образованию, чем ближайшие соседи-островитяне, сознательно решившиеся наконец поучиться у Запада. Какой бы толчок извне, какие бы внутренние неурядицы не вывели «Срединное царство» из так называемого застоя, – вполне разумного и нормального для государства, которое прожило немало веков, – новая мировая жизнь, без сомнения, втянет его в свой стремительный водоворот, искусственно расшевелит и раздражит по природе добродушного великана, – в результате чего этот в данное время сильно обездоленный народ, справедливо гордящийся многочисленными благами своей стародавней культуры, и сам захочет относительной власти, славы и богатств, успеха и значения в сонме других наций, преобладания на Тихом океане. Европа морщится при одной мысли о таких дерзких замыслах со стороны «желтой расы», но последняя незримо крепнет и думает смутную думу: как отворотить, во-первых, опасность захвата китайских побережий «заморскими чертями» (Россия для граждан Небесной империи – своя близкая, родная, не хищница вроде остальных, вдающихся в колониальную политику держав), а во-вторых, чем обеспечить в будущем столетии от голодной смерти избыток своего многострадального рабочего люда. В XX веке для прокормления его понадобятся, во что бы то ни стало, в качестве естественных колоний: Аннам, Кохинхина и Камбоджа, Сиам и Бирма, обширные малайские страны, Формоза, Филиппинские острова, Борнео, Суматра и Ява. Под чьей бы державою ни был Китай, – у него со временем неминуемо образуется нешуточный военный флот, и тогда борьба за существование вступит с беспощадной последовательностью в свои права.

Глава XI. Принципы жизни Китая (Прод.)

Ввиду поражающей веротерпимости китайского правительства и вообще всего народа, иные поверхностные наблюдатели склонны предполагать, будто туземцы равнодушно относятся к религии и, в сущности, никаким культом не дорожат. Но на самом деле это не так. Главную роль в жизни каждого отдельного лица и среди общественного строя искони играло почитание усопших родителей и предков. Никакие

философские разрушительные теории не в силах были поколебать его или разрушить характер связанной с ним обрядности. Покидая брэнную телесную оболочку, человек, – по мнению китайцев, – продолжал жить по-прежнему, обычными радостями и горестями, нуждался в любви и заботе ближних, томился одиночеством. Неудовлетворенно скорбное состояние духа отошедших в загробный мир неблагоприятно отражалось на быту живущих, повергало последних в тревогу. Поэтому надо было угождать покойникам, заручаться их расположением, поклоняться им. Сначала почитание совершалось на могилах, но потом обстоятельства заставили устроить для этого культа домашние кумирни и поместить там в особых шкафах таблички с именами незабвенных и дорогих усопших. Ежедневно глава семьи отправлялся туда на поклон, возжигал куренья, приносил, когда следовало, жертвы, сообщал незримым хранителям своего очага обо всех мелочах, касающихся семейного благополучия и т.д. Для полноты связи с невидимым миром живущие прибегали к гаданиям, медиумизму и прочему. Воля предков руководила действиями благоговевшего потомства, которое само по себе и не хотело, и не решалось жить без сознания, чему учит прошлое. Оно же давало только хорошие советы, облагораживало перечислением ярких примеров добродетели, грозило суровой карой за уклонение от заветной старины. Культ усопших родственников тем успешнее мог процветать в Китае, что нигде отцы и матери так не уважались детьми, как здесь. Молодое поколение положительно вырастает с мыслью о том почтении, которое надо оказывать старшим; стараясь с детства приучить всех к исполнению того, что в принципе признано должным, там не смотрят снисходительно на капризы, своенравность, упрямство, непослушание, эгоизм и фальшивость, но искореняют (пока не поздно) или заглушают дурные качества; направлять желание малолетних на то или другое с помощью лакомств или невинного будто бы обмана считается непозволительным. Родители требуют не теоретического только знания этики, но и постоянного практического ее применения. При этом они обходятся без наказаний, с пеленок внушая детям послушание и умение ограничивать себя. Близкие по крови семьи сплочены бывают в целое и ради общей пользы устраивают собрания, где молодежь читает вслух полезные книги, а затем каждый из присутствующих приглашается к чистосердечному признанию, нет ли у него каких-нибудь житейских затруднений, долгов, недоимок, тяжб; всякое дело сообща обсуждается, каждому положению приискивается исход, в случае возможности беде помогают сбором денег для родича. Такой порядок вещей, во-первых, препятствует размножению нищих (их мало в Китае и стать настоящим пролетарием трудно, если человек окончательно не оттолкнул от себя кровных близких), а во-вторых, удерживает нередко от преступлений.

Женщина поставлена высоко как мать и жена, но семейный быт огражден от постороннего влияния и соблазнов. Браки заключаются по усмотрению родителей и совещанию с предками: романы вне этого не санкционируются обычаями, и тем не менее молодые нередко находят счастье. Наш известный синолог Георгиевский¹² приравнивал подобные явления к супружеству нашего духовенства, по-видимому, не

¹² Сергей Михайлович Георгиевский (1851–1893) – русский ученый-китаевед, приват-доцент, экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета. – *Примеч. ред.*

имеющего данных непременно найти в случайных невестах истинное благополучие и взаимное понимание, но обыкновенно находящего и то, и другое. Априорные чувства до совместного счастья слишком мало говорят в пользу будущего: лишь время может скреплять отношения и развивать сознательную любовь.

От простолюдина до монарха все проникнуто стремлением памятовать деяния предков и служить им, ежеминутно ощущая свою зависимость от духов. В древности жертвенные предметы не покупались, но приготавливались самими чествующими усопших. Впоследствии это стало неисполнимым, но выдающиеся в империи лица доселе в виде обряда придерживаются седой старины. Каждый год богдыхан лично пашет землю в столице, важнейшие чиновники – в провинции, а царица кормит шелковичных червей. В Европе думают, будто таким путем власти желают приохотить население к работе. Это не вполне справедливо; император и императрица действительно показывают пример, но не трудолюбия самого по себе, а сыновнего почтения, которое требуется культом предков и результатом которого является трудолюбие.

Утрированная забота о благоденствии существ в загробном мире, конечно, иногда граничит с областью комического. Положим, умирает мальчик – нельзя его оставить навсегда холостым, он соскучился бы: родители приискивают имя девочки, день рождения и смерти которой соответствует дню рождения и смерти их сына. Устраивается, так сказать, посмертный брак. В назначенное время куклу, изображающую жениха, несут в дом фиктивной невесты, откуда эта кукла возвращается уже в сопровождении другой, изображающей просватанную девочку, и с ее кумиренной табличкой. Свадьба празднуется, как будто и в самом деле два человека соединились тесными узами, и затем табличка новобрачной помещается в храме жениховых предков. Дети при жизни родителей дарят им прочные гробы в знак любви и преданности и т.д.

Всюду сыны Небесной империи склонны замечать присутствие и воздействие духов. Об успокоении многих из них пекутся потомки и для этого стараются, чтобы род не угасал, – но затем еще остается несметное количество давно забытых, бессмейно скончавшихся, казненных людей. Из опасения, как бы они не вздумали насылать несчастье, весь Китай раз в год чествует их. В дар душам обездоленных сжигаются бумажные одеяния, золотые и серебряные бумажки, изображающие деньги. Вечером по рекам ездят лодки, с которых такие же воспламененные предметы бросаются в воду, а также овощи и рис: в жертву утопленникам. Дабы они, блуждая во тьме, легче находили приношения, на волны спускаются тысячи лампадок, помещенных в глиняные горшочки. При этом далеко кругом в ночной тишине раздаются заунывные звуки тамтамов и молитвенное пение об усопших...

Крайне распространено мнение, будто подданные Сыны Неба – изверги в полном смысле слова, бросающие новорожденных на произвол судьбы, чуть ли не на съедение собакам. Между тем, нигде нет такого чадолюбия (притом на религиозной основе), как в Небесной империи. Противоречие объясняется тем, что нищий люд действительно иногда не имеет возможности прокормить свое крошечное потомство и охотно отдает в чужие руки или несет в местные воспитательные дома грудных девочек, не составляющих предмета гордости отца и матери (мальчиков ценят за дар небес). Если провести точную цифровую параллель между случаями родительского

жестокосердия на Западе и в царстве конфуцианских принципов, то сравнение будет далеко не в пользу цивилизованных наций. Смутно зная это с одной стороны, а кроме того видя на каждом шагу бездушный эгоизм «белой расы» из-за моря, дерзающей проповедовать «желтолицым дикарям», – в лице немногих избранников, – Предвечные начала любви, пока соотечественники жерлами пушек и безжалостными контрибуциями, алчною грубостью и насилием дискредитируют истины наивысшей этики в глазах негодующего Дальнего Востока, – неудивительно отчуждение его народных масс от искренно пламенеющих ревностью «ангелов света и милосердия», приходящих сюда помогать страждущим, спасать гибнущих и врачевать зло. «Отчего вы не изберете себе подобной деятельности дома, где у вас немало социального неустоя?» – испытующе говорят китайцы-патриоты...

Некоторая замкнутость и таинственность, которыми привыкли окружать себя инокини, – значительная смертность среди призреваемых крошек, зачастую попадающих в приют при полном изнурении от голода и недуга, – распускаемые врагами порядка слухи, будто там их убивают с целью колдовства, для приготовлений снадобий, в состав которых должны входить куски детского тела, – все вместе взятое вредит миссиям самоотверженных европейских женщин. Недоступна пониманию китайцев скорбная фигура отрешившейся от родины и соблазнов мира подвижницы-христианки, с молитвами наклоняющейся в ночи над колыбелью чужого болящего ребенка!

Глава XII. Принципы жизни Китая (Прод.)

Не китайцы нуждаются в заморских пришельцах, а последние – в естественных богатствах Небесной империи. Местным жителям нет повода дорожить авантюристами, признающими главным образом одну угрозу и насилие. Им же положительно не мешает иногда напоминать, что они – на чужой земле, а между тем хозяйничают куда бесцеремоннее, чем им позволительно было бы даже дома.

Почин непосредственным сношениям сравнительно далекого Запада с «желтым» Востоком положен богатыми сирийскими купцами. Возникшие вслед затем средневековые арабские фактории в Кантоне, вероятно, походили во многих отношениях на те, что в нем были гораздо позднее заведены европейцами. Пришельцы добились тут одинаковых прав экстерриториальности и при случае дерзко вступали в борьбу с туземцами: например, в 758 г. мореплаватели с берегов Персидского залива преспокойно подожгли дружелюбно с ними торговавший Кантон и бежали на быстроходных судах¹³. Потерпевшие горожане тогда еще могли уразуметь истину классического: *timeo Danaos*¹⁴. Подобные дикие столкновения наверно повторялись и потом; но наиболее, должно быть, насоллили населению Гуандуна представители германской расы: иначе нельзя объяснить, почему слово «красноволосый дьявол» стало излюбленным

¹³ Речь идет о захвате арабами и персами Гуанчжоу в рамках совершенного ими набега в 758 г., описанном в танской династийной истории «Цзю Тан-шу». – *Примеч. ред.*

¹⁴ *Timeo Danaos et dona ferentes* (лат.) – «Боюсь данайцев и дары приносящих» – крылатая фраза, впервые встречающаяся в поэме Вергилия «Энеида». – *Примеч. ред.*

определением иностранца. Сначала сюда явились брюнеты-португальцы, – молодцы, тоже не стеснявшиеся ни перед чем. Однако не им досталась пальма первенства, – однако же они ухитрились произвести наихудшее впечатление на вовсе не чувствительного и не избалованного судьбой китайца-простолюдина! Разве это не характерно? Стоит припомнить, что в 1816 г. английский фрегат «Alceste» был встречен у «Тигровой пасти», при входе в Жемчужную реку, салютом (так, по крайней мере, уверяли потом мандарины!) и отвечал на него ядрами.

Теперь, благодаря пушкам и штыкам, кантонский европеец владеет особым комфортабельным кварталом на р. Чжуцзян: тем не менее причиной последнего возбуждения местной толпы несколько лет тому назад послужил выстрел из револьвера, сделанный одним пьяным англичанином на улице города и ранивший ребенка. Идея культурного превосходства, по-видимому, весьма странно понимается и применяется на деле современными цивилизованными народами...

На Западе мало кто знает (хотя следовало бы знать ради принципов высшей справедливости!), как Индия платит английскому правительству даже за то, что и косвенно не связано с ее насущными интересами: например, 60–70 000 рублей в год на персидскую дипломатическую миссию, а, кроме того, значительно больше 100 000 рублей на тот же предмет и на свои консульства в Китае. Если в пределах собственной империи колонизирующие Азию британцы решаются отбирать деньги у безропотных тощих индусов для содержания своих чиновников на берегах Тихого океана, – то еще меньше может быть стеснения с китайцами как объектами эксплуатации. На каком основании ожидать и требовать со стороны подданных богдыхана приязни и доверия по отношению к давнему, сурово настроенному врагу?

Когда кантонские власти, повинувшись необходимости исполнить волю сильнейшего, уступили англичанам Гонконг, – богдыхан гневался и не хотел признавать договора. С тех пор беспомощность центрального правительства в гигантской стране еще заметнее обнаружилась, – что видно из всякого столкновения или просто-напросто спора с державами. Западная Европа пробила страшнейшую брешь в идеально рассматриваемой Великой стене: кто и что спасет Китай как целое от распада и чужого ига? Мне думается: только Россия!

Восток вообще проникнут и живет поражающими и смущающими западный ум предчувствиями, так сказать «вещими» идеями. Я помню, например, рассказ нашего маститого поэта А.Н. Майкова о том, как он допрашивал европейски образованного киргизского султана Валиханова¹⁵, – имя которого хорошо известно следящим за новой жизнью в нашей Азии, – что у него за философия истории. Сын Турана лишь на минуту задумался и с одушевлением изрек: «Всемогущий Бог даровал мировое владычество моему предку Чингис-хану: за грехи оно отнято у его потомства и передано Белому Царю. Вот вам моя философия истории!»

В состав иероглифа «Hwang-ti» (Хуанди, верховный государь), т.е. в исконный титул богдыханов, входит понятие «белый князь, Цаган-хан, Белый Царь!» Англий-

¹⁵ Очевидно, имеется в виду Чингиз Валиханов (1811–1895) – старший султан Кокчетавского округа. Полковник, общественный деятель Западной Сибири и Северного Казахстана. Отец известного востоковеда и просветителя Чокана Валиханова. – *Примеч. ред.*

ские ученые объясняют это позднейшим искажением слова, первоначально означавшего «тот, кто умеет управлять самим собою». Но не все ли равно, раз что в данное время смысл столь красноречив?

Синологи с широким кругозором, вроде безвременно скончавшегося даровитейшего С.М. Георгиевского¹⁶, с весьма небольшим, увы! успехом разясняли до последнего времени своей немногочисленной аудитории, почему России необходимо разносторонне изучать Китай.

Озабоченное сбытом шелка на Запад население северных областей Небесной империи в начале нашей эры хоть и смутно, но представляло себе пути туда, – особенно посуху: к Аму-Дарье, в землю парфян при династии Арсакидов, на Мерв (по-китайски Мулу) и т. д. до Черного моря и Антиохии Сирийской. Восток в ту отдаленную пору вовсе не дробился на ненавистные друг другу политические единицы. Напротив, человечество тогда еще не додумалось до утонченно-беспощадных принципов возводимого ныне в культ националистического эгоизма и гораздо радушнее относилось повсюду (несмотря на исторически слагавшуюся замкнутость многих жизненных форм) к притокам свежего воздуха извне, с инокровно-иноверной и странной по духу чужбины. Кто скажет, сколько творческих идей приносили с дороги домой китайские богомольцы-купцы, ездившие до нашей эры на Ганг, или христианские монахи из Ирана, познакомившие Византию с культурой шелковичного червя?

Нет государства в мире, где бы знание так высоко и свято ценилось как в Китае. Достаточно вспомнить, что Конфуций постепенно возводился в царский сан, что ему за проникновение родной наукой строились храмы, что получаемыми за умственный труд дипломами земляков гордятся целые округа, не говоря уже о выращивших счастливого городах или всяех: наиболее «преуспевшим» иногда возводятся арки...

Уважение к литературе и к письменности вообще необыкновенно развито. Лица, сумевшие с толком вчитаться в творения истинных мудрецов, мало-помалу достигают редкого почета. Каждый испещренный иероглифами лоскуток чтится китайцами. В Кантоне и в Шанхае (вероятно, и в других местах) существуют общества, нанимающие рабочих ходить по улицам и отыскивать брошенные бумажки, на которых есть буквы, с целью предавать их сожжению: из опасения чтобы кто-нибудь не вздумал осквернить недостойным употреблением такую «святыню», как письмена, – да еще письмена, изобретенные выдающимися наставниками-руководителями китайского народа! Иные радители не довольствуются и этим, – но глубоко зарывают пепел в глиняных горшочках или опускают их в реку. Конечно, при соприкосновении с европейцами, подобный почти суеверный страх исчезает, но явление настолько само по себе симпатично, что об этом пока приходится только жалеть. По словам одного туриста, ездившего по империи, он как-то, сидя у дороги, читал английский роман. Два туземных «ученых» подошли и бесцеремонно просунули головы между лицом

¹⁶ См: С.М. Георгиевский. Важность изучения Китая. СПб.: Типография Скороходова, 1890. – *Примеч. ред.*

читавшего и книгою, долго всматривались в текст, (кругом же тем временем столпились зрители!) и наконец с комическим изумлением заявили: «Мы не можем распознать ни одной буквы, – на что находчивый путешественник спокойно им заметил по-китайски: «значит, ваше знание весьма ограничено!» Общій хохот присутствующих тотчас пристыдил простодушных литераторов.

Китаец готов учиться с неимоверным усердием до какого угодно возраста, преодолевая самые тяжкие преграды. Каждому гражданину (кроме актеров, тюремщиков и палачей с их ближайшим потомством) открыты государственные должности соответственно выдержанному экзамену. Уважение народа и властей к выказывающим особое прилежание и разумение прочитанного распространяется не только на этих избранных, но и на их родителей, которые воспитали столь пригодных отечеству сынов. По данным официальной «Пекинской газеты» в 1889 г. на осенние письменные состязания в Фучжоу явилось 9 кандидатов старше 80 лет и два старше девяноста, причем работы им удалось и почерк отличался твердостью: а мы еще на школьной скамье дивимся мужеству Катона-старика, взявшегося изучать греческий язык! Бывают будто бы случаи, когда на одно и тоже испытание записываются дед и внук. Множество бедняков трудится, подготавливаясь к этому буквально на медный грош: по преданию, какой-то впоследствии прославившийся «ученым», не имея средств покупать себе освещение для ночных занятий перед экзаменом, ловил в мешочек светлячков и озарял ими свои заветные книги: ведь одно сознательное ознакомление с тысячами иероглифов требует многих годов жизни!

Запрещение конкурировать на получение высших гражданских прав относится в Китае лишь к инородческому населению: в состав такого включается, например речной люд с Жемчужной реки (Танка), происходящий от загнанных когда-то китайцами на лодки туземцев. И то уже крошечный процент (не более 500 человек) ежегодно выдерживающих с успехом сложное последнее состязание в Пекине не в меру превышает количество людей, требуемых для замещения чиновничьих вакансий! Параллельно же растет раздражение в среде голодающих литераторов. Китайская администрация состоит, в сущности, из неимоверно малого числа должностных лиц со сколько-нибудь значащим рангом: таковых наберется на всю колоссальную империю лишь около девяти тысяч! У кантонского генерал-губернатора, повелевающего обширнейшим населением, их всего – 430. На каждый пост ждет очереди минимум десяток алчущих его занять и невыносимо беспокоящих начальство провинции...

За границей сложилось убеждение, что скудно оплачиваемые казной, но нуждающиеся в целом штате челяди мандарины – величайшие грабители и деспоты. До известной степени это весьма вероятно. Однако не мешает взвесить и явления обратного порядка.

Где кроме Китая, в каком другом государстве граничит с областью чего-то уже прямо мистического ответственность главных правителей перед нравственным законом и обычаем? Временно назначаемый представитель власти до такой степени считается тождественным со вверенным ему населением, что терпит подчас тяжкое наказание за преступления, совершаемые во вверенном ему районе, вообще сплошь

и рядом штрафуются за чужие погрешности: он виновен перед богдыханом даже за наводнения и засуху, голод, пожары и бедствия стихийного характера. За побои, нанесенные матери, одного китайца высочайше повелено было убить, дом, – где случилось происшествие, – разрушить, деревню признать зачумленной, чиновников округа разжаловать, местных студентов более не допускать до экзамена. Усердные сановники сами молят «Сына Неба» не прощать им ошибок ни проступков.

Если деятель на этом трудном тернистом поприще еще вдобавок отличается безукоризненностью поведения, нельзя выразить народной любви к нему и беспредельной благодарности. При прощании с доблестным начальником (администраторов довольно часто меняют!) ему дарят многоцветное почетное одеяние и шелковые зонты, толпы народа и вереница паланкинов провожают отъезжающего, на пути расставлены столы с яствами и дымящимися курениями. Дорога украшается арками с надписями: «отцу и другу», «яркой звезде области» и т.п. Обувь подобного лица, угодного согражданам, принято хранить после него как драгоценность.

Беспощадно сурового вице-короля Yeh, увезенного англичанами в плен, кантонцы мертвого встретили с торжественной скорбью и воздвигли ему кумирню¹⁷.

Глава XIII. Захват немцами Цзяо-Чжоу

«Запад неосторожно потеснил Небесную империю. Тучи сгущаются на Дальнем Востоке, – писал я в «Спб. Вед.» еще в ноябре 1897 г., когда Германия захватила Цзяо-Чжоу. – Новые аргонавты, но не в героическом, а отрицательном смысле этого слова, идут за «золотым руном» в пределы беззащитнейшей на свете империи, тревожат миролюбивейшего колосса – Китай.

С точки зрения европейских интересов, политического равновесия, взаимоотношения могущественных держав и т.п., не все ли нам равно, кто что делает там, на неизмеримо обширных западных побережьях Тихого океана, где всем найдется много места для колониционной деятельности, для культурной борьбы?

Так не могут не думать лица, случайно знакомые с ходом восточных дел, так не может, однако, и не должно относиться к вопросу русское мыслящее общество, носящее в сердце своем идеальное сознание нашего мирового значения, как величайшей державы. Раньше чем выяснить, хотя бы в самых общих чертах, что мы понимаем под нашими прямыми задачами ныне на китайском Востоке и каких осложнений над ним с полным основанием опасаемся, интересно вкратце проследить, чем фактически вызваны настоящие строки, какие последствия невольной угрожают «мирному преуспеянию и естественному постепенному развитию» желтой расы в некоторых пунктах азиатского материка...»

По словам иностранных, не немецких газет, требования Германии об удовлетворении, предъявленные ею китайскому правительству по поводу убийства двух германских католических миссионеров в провинции Шаньдун, произвели сильное впечатление в Европе, так как значительно превышали все имеющиеся прецеденты.

¹⁷ Е Минчэнь (叶名琛, 1807–1859), наместник Лянгуана (территория, включавшая современные Гуанси-Чжуанский автономный район, провинции Гуандун и Хайнань). В 1856 г. был взят в плен англичанами и умер в плену. – *Примеч. ред.*

«Но следует помнить, – говорил тогда “Times”, – что в сношениях со странами Востока вообще полезно всегда обеспечивать за собою широкое поле для переговоров.

Условия заключают денежное вознаграждение, постройку собора (по всей вероятности, как искупительного памятника на счет китайских властей), возмещение издержек по оккупации Цзяо-Чжоу, разжалование губернатора провинции и примерное наказание убийц, также как и мелких чиновников, участвовавших (?) в преступлении, учреждение «железнодорожной монополии» в Шаньдуне и, наконец, удержание Германией Цзяо-Чжоу.

Китай, *выразив желание дать удовлетворение за убийство миссионеров, понятным образом отказался рассматривать эти требования до тех пор, пока Германия не согласится эвакуировать Цзяо-Чжоу*». Над китайцами посмеялись и забрали у них бухту...

Что касается европейцев-соперников, никто не помешал немцам в пускании глубоких корней на тучной ниве Восточной Азии. Японии было только на руку, что до окончания Сибирской магистрали «кто-то» снова создавал затруднения России. Такой образ действия особенно любопытен мог быть именно нам, для которых к нем ясно сквозило красноречивое продолжение того векового спора, той никогда не прекращавшейся, и по существу своему непримиримой борьбы, которую искони ведут друг с другом относительно смиренный, и лишь в крайности доходящий до богатырских проявлений несокрушимой мощи славяно-туранский мир, и заносчивый при малейшем успехе германизм.

Последний, при всей очевидной пользе его культурных и цивилизующих влияний на нас, в общем всегда был страшнее и беспощаднее бесформенно нагонявшей на Русь вал за валом, сродной нам по духу и крови, религиозно и монархически настроенной Азии...

Вот почему мы его инстинктивно силились и силимся обезвредить, остановить в его границах или даже погромить. Вот почему нам так в детства дороги всякие описания тех, увы, крайне редких средневековых битв, где соединенными или полуразрозненными усилиями русских, поляков и литовцев, уже в ту пору германизму наносился тяжелый удар.

Теперь эти времена для нашей империи прошли, злобу дня составляет столкновение главным образом экономических интересов, но принцип остался тот же – над зарубежным славянством «вероломные тевтоны» чинят по-прежнему обиду и насилие. Своего рода отголоском и отражением этой предосудительной политики являлось, на мой взгляд, занятие немцами злополучного Цзяо-Чжоу как раз в момент, когда слабый и дряхлый Китай начинал открыто и сердечно сближаться с Державным Севером, искал именно в нем нравственной поддержки и материальной опоры, справедливо будучи уверен в том, что мы-то его не потесним, что весь Восток только обновлялся, богател и крепнул от общения в русскими началами, ибо он и мы – одна безбрежная стихия, одно гармоничное в своих духовных основах целое, по которому живоносными токами мало-помалу должна повсеместно взойти заря, возродившая при Ольге и ее внуке Красном Солнышке Киевскую Русь.

Дела в Китае принимают все худший оборот. Еще недавно г. Уильям Стэд красноречиво подымал в своей «Review of Reviews» вопрос о том, своевременно ли прививать «яд милитаризма» относительно косному и питающему отвращению к войнам Китаю. Вопрос этот, конечно, уместнее всего было поднять в Англии, которая на призыв к осуществлению новых и культурных задач человечества, исходивший перед Гаагской конференцией из таких вознесенных над суетою сфер, где нет и тени корыстно-эгоистических помышлений, усиленно стала набирать и обучать в Вей-Хайвее туземных солдат... В кого будут стрелять в скором времени эти желтолицые солдаты? Очевидно, не в своих же соотечественников, когда кровавый пожар, подготовляемый Европой на Дальнем Востоке, страшным заревом займется над бесконечным побережьем...

Политического центра Пекин почти не представляет более собой. С той минуты, что его улицы уподобились городам Крита при оккупации их десантами держав, говорить о возможности дальнейшего значения столь некогда мудрой и славной маньчжурской династии по меньшей мере праздно.

«Белые» пришельцы встали на грудь исполинского народа, исторгая у его обесиленного правительства концессию за концессией, территориальную уступку за уступкой... Нет предела требованиям и соревнованию в этой области с одной стороны, нет, надо сознаться, предела и слабости с другой... Но вот перед изумленными взорами всматривающегося в загадочный Восток цивилизованного мира подымается то «нечто», чем Запад думает покорить и обуздать «Желтую расу»... Что же оно сулит народам и самой Небесной империи? Приобщение ее к нашему материальному прогрессу? Но она нас тогда поборет этим же оружием, опередит и приведет к разорению... Руководительство при посредстве просвещенных и любящих Китай иностранцев ближайшими судьбами его? Но ведь если подобные деятели искренно станут служить этой цели, они всеми мерами должны ставить veto эксплуатации громадного, патриархального по строю государства хищными соплеменниками из-за моря! Постепенное вооружение туземцев сначала друг против друга в целях успешной колониальной политики англичан и тех, кто им захочет подражать? Но ведь, в конце концов, эти же наемники будут стрелять в ненавистного им «белого» человека...

Открывать себе доступ в Небесную империю теми приемами, как практиковалось до сих пор, значит идти к постепенному сознанию роковых и отчасти непоправимых собственных ошибок.

Если китайцу дадут возможность работать в технически однородных условиях с европейским рабочим он, при своей сметливости, выдержанности, бережливости и довольстве малейшими земными благами, явится опаснейшим конкурентом того, кто и теперь со скрежетом зубным несет «бремя капитализма». Что станется тогда с промышленной Европой? Почему же она-то именно и рукоплескала до сих пор искусственному и чрезмерно быстрому пробуждению Китая? Если все, что есть наиболее алчного среди западных элементов, устремится разрабатывать эту неоценимую руду человеческого терпения, усердия и трудолюбия, которою пока богата готовая ежечасно рухнуть Небесная империя, разве на почве приуготовляемого та-

кими путями жесточайшего соревнования в погоне за материальным успехом не возникнет опасность величайших политических осложнений? Последняя уже наступила, Ее теперь можно, пожалуй, только приостановить, только кратковременно отсрочить...

Считаться с нею все-таки необходимо. Запад насильями своими разбудил желтый Восток. Мы можем сокрушаться о гибели разных миссионеров, мы можем негодовать на то, зачем пролилась и еще прольется кровь. Но наряду с этим нельзя не сознавать и с точки зрения оскорбленной китайской массы, что такой беспримерно униженный народ, у которого в мирное время признается возможным брать порт за портом, hinterland за hinterland¹⁸ и т.д., в конце концов должен встрепенуться и всколыхнуться всею своею громадой. Общего народного движения, слава Богу, пока нет, но сочувствие неисчислимого населения «Большому кулаку»¹⁸, молчаливое до некоторой степени невмешательство в смуту (своего рода потворство ей) самого маньчжурского правительства, все ясно говорит за то, что мы накануне больших катастроф. Каждый резкий шаг под Пекином только может ухудшить и без того отвратительное политическое положение. На опасно выступать чересчур грозными и беспощадными усмирителями волнений, вызванных другими нациями. Последним, конечно, удобно и желательно видеть именно нас в этой крайне неблагодарной роли, чтобы надолго направить против России ненависть тамошней черни. Но на руку ли это нам?

Сгустившийся на политическом горизонте туман до того густ, известные нам детали событий до того скудны, неопределенны и противоречивы, самая трагедия, наконец, разыгравшаяся на Востоке, до того ужасна, что говорить об этом только ради того, чтобы что-нибудь сказать, в интересах дела и праздно, и преждевременно. Случилось то, чего надо было ждать. С того злополучного дня, когда немцы взяли, под предлогом отмщения за миссионеров, в сущности, довольно малоценное Цзяо-Чжоу, фактическая неприкосновенность Небесной империи стала более чем сомнительной. Несчастное центральное правительство увидело себя поставленным в необходимость соглашаться на новые территориальные уступки, идти на всякие унижения. В результате каша, которую заварил на китайском побережье германский дипломат барон Гейкинг¹⁹, стоила уже ныне крови сотням людей и потребует, увы, дальнейших жертв. Ничтожного по себе виновника крупных бед в момент расплаты за старые грехи в Пекине уже не оказалось: как тяжело, однако, знать, что в опасности за чужие ошибки находится жизнь еще множества русских!

Китайцы решились грудью встретить вторгающегося неприятеля, который по дисциплине и оружию, будучи, наконец, ведом настоящими офицерами, конечно, го-

¹⁸ Имеются в виду восстание ихэтуаней (боксерское) – 1899–1901. Одно из названий – *ихэ-цюань* («Кулак во имя справедливости и согласия»). – *Примеч. ред.*

¹⁹ Барон Эдмунд Фридрих Густав фрейхер фон Гейкинг (Edmund Friedrich Gustav von Heyking, 1850–1915) – русский, затем немецкий дипломат, посол Германии в Китае (1886–1889). Сыграл важную роль в захвате Германией территории Цзяочжоу. – *Примеч. ред.*

раздо сильнее защитников страны. Пока даже предвидеть нельзя фазисов борьбы. Даже если обстоятельства благоприятно сложатся к осени для экспедиционных отрядов, занять Пекин – не значит покорить необъятный край, свергнуть или поддержать нынешнее правительство, не значит подавить антиевропейскую агитацию, широкими кругами расходящуюся от своего местозарождения. Даже при ряде блестящих успехов и победе на фоне по-прежнему будет рисоваться неумолимый, неразрешимый вопрос – что же впереди?

Можно ли, если, чего доброго, воспламятся целые гигантские области (ведь волнение проникло в глухой Сэ-чуань!²⁰), если западный мир очутится перед задачей создать правительство для сотен миллионов по-своему вполне культурных существ, которых иноземцы не хотят признавать руководящим началом? Не из синологов же, наконец, образовать синклит таких эфемерных правителей, чтобы явилась хоть связь между пастырями и пасомыми?

Еще понятно одной державе, *одной воле* поручить дело усмирения Китая, посредничества между ним и остальными заинтересованными государствами. Но как совместить, например, участие Австро-Венгрии и Италии – простых, так сказать, зрительниц того, что для нас полно такого значения, в «концерт», где вся тяжесть конечной ответственности ляжет на плечи соседей империи богдыханов?

Теперь в соседнем нам государстве оплакивается погибший Кеттелер²¹. Но хорошо ли всем понятны условия, при которых это случилось? Убитый в последнее время открыто проповедовал (будучи официальным лицом!) необходимость расчленения Китая и как раз в те дни, когда напряжение в столице достигало высшей степени, бесцельно бравировал толпу...

Поездки дипломатов в цзун-ли-ямьнь²² так или иначе связаны в глазах китайцев с представлением о чем-то серьезном и важном с международной точки зрения. Туда принято отправляться в паланкинах, с известной помпой. Чего ради покойный германский посланник находил нужным презреть обычай, в котором ни для кого не было ничего предосудительного? Чернь напала не на министра дружественной державы, в носилках несомого в высшее государственное учреждение для необходимых бесед, а на дерзкого европейца, попирающего туземные понятия и взгляды, вздумавшего устраивать прогулки в ямьнь верхом, когда город и без того был охвачен волнением... Своим безрассудством несчастный Кеттелер погубил не только себя, но подверг смертельной опасности и остальных членов пекинской иностранной колонии и вызванную для охраны ее многочисленную военную стражу. Зачем было рисковать жизнью сотен людей, завлеченных в Пекин, как в мышеловку?

²⁰ Провинция Сычуань. – *Примеч. ред.*

²¹ Клеменс Август фон Кеттелер (*Clemens August von Ketteler*; 1853–1900) – немецкий дипломат, посол Германии в Китае (1899–1900). В июле 1900 г. во время восстания ихэтуаней был убит в Пекине, что стало поводом для совместной военной интервенции нескольких мировых держав. – *Примеч. ред.*

²² Полное название: Цзунли гэго шиу ямэнь (總理各國事務衙門) – Приказ по управлению делами разных стран – учреждение института правительства Цинской империи, выполнявший функции министерства иностранных дел в отношении с 1861 по 1901 г. – *Примеч. ред.*

Глава XIV. Философия истории русского слияния с Азией

Мы с детства привыкаем относиться к Китаю и Японии как к чему-то тесно с нами связанному и духовно гораздо более близкому, чем надменная Западная Европа. Чувства к ним, не будучи ничем особенно положительным, то же время сами за себя говорят, как инстинктивное тяготение в сторону прочной и обоюдно полезной приязни с Дальним Востоком. Ведь не можем же мы, напр., забывать, что при возмущениях китайской черни против европейцев, русских до последнего времени, т.е. 90-х годов, сознательно щадили и отличали от «заморских чертей»? Памятно, надо надеяться, и японцам, чей Императорский флот никогда не открывал огня против их побережий и, находя недостойным мстить за таинственные мнимо политические убийства и покушения из-за угла, свято хранил и хранит обычай дружить со «страной восходящего солнца», где у нас насчитывается столько продолжительных якорных стоянок и белеет не одна надгробная плита!

Иностранцы, свивая себе в Японии ненадежное гнездо, давно уже сеют там подозрение и нелюбовь к России. Воспитанные на заграничный лад и в чуждых по культуре университетах туземные радикалы проникаются предубеждениями западного человека против «северного колосса» и склонны поверхностно судить о нас в печати и литературе.

Разумнейшие японцы сознают, однако, по-видимому, опасность слишком безусловного подчинения иноземщине с отрицанием вековых заветов родной власти и религии. Поворот в национально-благое направление, вероятно, вопрос недалекого будущего. Самобытность Азии и 800–900 миллионов ее работающего, мыслящего, даровитого населения должна во имя справедливости и правильно определяемого прогресса сказаться с удвоенною силою.

Высокая степень художественно-материальной, а в иных отношениях и социальной культуры, достигнутая тамошними народами, служит одним из главных ручательств тому, что это и возможно, и желательно. Запад велик в известном районе деятельности, пока не направляет избыток энергии на саморазрушение.

Перевоспитать Восток до полного воплощения в себя христианских принципов он не властен, сломить же его упорную затаенную мощь из-за моря физически нельзя. Остается, следовательно, применить к огромнейшему матерiku новую гуманную точку зрения: искусственная прививка беспочвенного просвещения Азии не нужна, толчок же для свободного развития опекаемых побережий давно дан и отнюдь не требует повторения.

Почему то, чем жил и мыслил встарь Посольский Приказ, не есть исторически-духовное достояние нашей молодежи, посвящающей себя дипломатической карьере?

Русские деятели позднейшего московского периода (особенно послы к восточным дворам) относились к Азии без предрассудков и, созидавая основы влияния на инородцев, не допускали мысли о чьем-нибудь явном противодействии идеалам нашего государственного величия. Любого длиннородного князя Тюфякина, педантично соблюдавшего дома этикет и писавшего верховному хозяину родной земли «холоп твой Васька низко челом тебе бьет», любого такого «служилого» человека aus einem

Guss²³, чуть ли прямо от сохи из пределов его дедовской вотчины стоило послать за «Хвалынское» море «шахову величеству» «царский поклон справить», и снаряжаемый в далекую опасную дорогу преображался: он наперекор стихиям и разбойникам-туркменцам долго носился на струге с горстью стрельцов, пока полумертвый достиг желанного чужого берега, но, вступив раз на него, имя царя своего подымал «честно и грозно»; приученный к раболепству в Белокаменной, здесь дорожил малейшими деталями почестей и приема, независимо и горделиво обращался с окружающими азиатами; представ перед суровые очи могущественного повелителя Ирана, требовал, чтобы шах *не иначе как стоя* о государевом здоровье спрашивал и вообще никогда не терял самообладания и твердости у подножия престола, откуда дерзкого могли без колебания отправить на казнь...

В ту пору Русская держава еще не обладала необъятным престижем и реальными силами сокрушать врагов, в ту пору Персия была чем-то довольно большим по сравнению с нами, да и лежала за тридевять земель от боровшейся с Западом Москвы. Между тем, тогдашние Тюфякины в их горлатных шапках и кафтанах олицетворяли собой настоящую, уверенную в славном будущем, Россию, и с их мировоззрением мирился Восток, а в наши дни, когда Россия стала чем-то положительно неизмеримым и непобедимым в сфере Азии, ни у кого другого, как только у нас самих, не рожется раздумья, где и в чем историческое призвание русского народа. Единовременно с ведением статейных списков для Посольского приказа мы видим просвещенных европейцев, из-за наживы топчущих в грязь национальную гордость и честь пред дворами восточных владык; видим англичан, позорно кланяющихся всяким моголам и султанам ради права учредить в их стране убогие торговые фактории, из которых должен был вырасти новый Карфаген, видим на Востоке наряду с мужественными русскими дипломатами допетровской эры западных хищников и авантюристов, попирающими, к презрению туземцев, религию и совесть...

В результате *Азия страдает, поняв, что между нею и Европой – глубочайшая бездна, тогда как между нашим полным творчеством хаосом и ею (этой Азией) нет препон, ибо ее предопределенный покровитель и главарь – нестротканая Россия, а между тем, параллельно с ростом и усилением России мы, от прогрессирующей безличности и некультурности нашего, живущего миражами интеллигентного слоя, теряем политическое чутье в восточных делах.*

Еще сравнительно недавно было иначе. Китайский Восток применял к нам другой масштаб, чем к пришельцам из-за моря.

Мало кто знает у нас в России о существовании и происхождении Пекинской духовной миссии. Она возникла двести лет назад ради ободрения плененных маньчжурами албазинских казаков, тосковавших по вере и по утраченным пустырям Амура, несмотря на всякие милости и щедроты со стороны богдыхана, зачислившего даже удалцев в свою гвардию. В ту пору в Пекине началось какое-то лютое поветрие. Проживавший в столице при императоре тибетский «святой» (Чжанчжа-хутухту) видел вещий сон: белобородого старца, подымавшегося из холма близ албазинского лагеря. Мудрый лама истолковал видение в том смысле, что это Николай Чудотворец

²³ Аналогичный (нем.). – *Примеч. ред.*

и ему без замедления нужно соорудить в Пекине православный храм. Разрыли насыпь подле казачьего жилья и действительно нашли святую икону с ликом приснившегося хутухту. Богдыхан внял добрым советам чтимого им буддийского «святого», отвел место для русской церкви, позволил пленным снестись с отечеством по вопросу о снаряжении к ним духовных лиц и тем самым установил совершенно исключительную дружественную связь между Китаем и Россией. Пока другие нации посылали к его побережьям игравших в политику миссионеров-фанатиков, иногда приобретающих огромное влияние при дворе или же изгонявшихся за оскорбление туземной святыни, русский «монашеский» караван из Забайкалья приходил в столицу государства к албазинцам как домой. Скромные иноки занимались китайским языком, обогащали ценными вкладами синологию, делились знаниями с посылаемыми к ним через Сибирь светскими студентами, не выступали дипломатами-проповедниками, не отождествляли с чисто иезуитским лукавством языческих форм культа с христианскими, не расширяли обманом или насилием, т.е. вообще фиктивными способами своей маленькой паствы... Напротив, в этом отношении наша прирожденная терпимость и летаргия простерлись даже до того, что колония албазинцев путем браков с окрестным населением потеряла прежний облик, дедовские обычаи, а с ними вместе отчасти и религию. Между тем как из состава миссии выходили ученые с громкой мировой известностью, как, напр., Иакинф Бичурин, профессор Васильев и Палладий, пекинские албазинцы окитаивались почти до неузнаваемости. Правительство богдыхана с полной симпатией глядело на чуждую политику и фанатизму православную общину. Ни в каких военных демонстрациях во имя защиты мнимо христианских, по-настоящему же прямо коммерческих интересов, она никогда не участвовала. Ни один наш иеромонах не пытался поколебать конфуцианского жизненного строя. Миссии снаряжались в Троицкосавске и пускались в путь через Монголию на Угру и Калган при помощи бурятских лам на инородческих верблюдах. Добродушные ламаиты столь сердечно сближались на каждом шагу с пришлым «белым» элементом, что нередко рождались с ним, жертвовали на православные церкви, благоговейно стекались на православное богослужение, выделяли из своей среды вполне естественно обруселых, принявших православие инородцев...

Глава XV. Философия истории русского слияния с Азией (Прод.)

Философски-художественная история нашего движения в Азию до сих пор не написана. Русский народ столь медленно приходит к самосознанию, что почти никому еще не ясна картина нашего коренного единства и последовательного слияния с Востоком. Земли за Уралом пытались даже именовать «колонией». Связи ее с так называемой «метрополией» иными признавались и чуть ли не признаются одинаково искусственными как быстро порвавшиеся политические узы между Испанией и Америкой, между Англией и молодыми заатлантическими Штатами. “Solche ungehenere Reiche wie Russland können gar nicht bestehen”²⁴ ex cathedra²⁵ провозглашают профессора в Германии. Знаменитое изречение Тютчева про свою родину:

²⁴ Такие бесперспективные империи, как Россия, не должны существовать (нем.). – *Примеч. ред.*

²⁵ С кафедры (лат.). – *Примеч. ред.*

Ее рассудком не понять,
 Аршином общим не измерить,
 У ней – особенная стать,
 В Россию можно только верить²⁶

– отчасти служит выражением взглядов образованной толпы на совершенно ей непонятное развитие маленького удельного княжества в колоссальнейшую по пространству из когда-либо существовавших империй. Не пора ли отдать себе отчет, почему это неизбежно случилось и отчего наше поступательное движение в Азии далеко нельзя считать завершённым? Ключ к подобному истолкованию лежит в характере завоевания и заселения великорусским племенем сродного ему Заволжья и Зауралья. Когда европейцы устремлялись искать приключений и наживы за океан, пришельцев встречали там диковинные для них иноверно-иноязычные расы с диаметрально противоположной цивилизацией: такие начала, естественно, вступали тотчас же в борьбу не на жизнь, а на смерть, в результате чего получалась гибель слабейших элементов. Между тем наши восточно-русские пионеры (полупромышленники, полуразбойники), невольно расширяя черту окраин, на каждом шагу открывали не новый и по временам безусловно враждебный мир, но зачастую с детства знакомый по облику и речи, по обычаям и повадке добродушный инородческий люд, с которым вовсе не трудно было, смотря по обстоятельствам, сражаться или ладить, по мере походы вглубь азиатского материка. Для конкистадоров Кортеса и Писарро всякий мексиканец и перуанец с его неведомым прошедшим и чудовищными жертвоприношениями казался исчадием ада, обреченным исчезнуть с лица земли. Любому воложанину или вятичу, шедшему в числе вольницы на Восток, встречное финско-тюркское «нечистое отродье» представлялось младшей братией, напрасно изобидеть которую и, по совести, не следовало, и ради собственной выгоды являлось опасным: через разных зырян, чувашей, черемисов, башкир, мордву и татарву в качестве опытных хожалых проводников постепенно прокладывался нашим крестьянством и казачеством торный путь в необъятное сибирское приволье. К их дорожному и сторожевому костру по ночам без робости и отчуждения приближалась (и в тайге, и в степи) одинаково с этими ватажниками одетая, мало чем от них отличная фигура инородца. У общего котла и ему очищалось место, при дружной незатейливой беседе и его голос получал иногда решающее значение, у случайной коновязи мог отдохнуть до рассвета и его шибко запаренный конь.

Подробный *modus vivendi* был немислим при взаимоотношении «белых колонизаторов» с американскими меднокрасными автохтонами. Отдельные эпизоды кратковременно признанного характера слишком ясно служат исключением из правил, чтобы на них стоило останавливаться.

Русскому предприимчивому человеку в XVI столетии не встречалось никакого иного выхода как за Урал. «Басурманский» Туран²⁷ теснил мужика-порубежника

²⁶ Неточное цитирование стихотворения Ф.И. Тютчева. В оригинале «Умом Россию не понять...». – *Примеч. ред.*

²⁷ Исторический регион в Центральной Азии, населенный в древности скифскими иранскими племенами. Упоминается в Авесте и среднеиранской литературе. – *Примеч. ред.*

с юга. Лютые нравы дома нередко делали жизнь нестерпимой. По метким словам народной песни:

В Астрахани жить нельзя,
 На Волге жить – ворами слыть,
 На Яик идти – переход велик,
 В Казань идти – Грозен царь стоит,
 Грозен царь-государь Иван Васильевич.

Лесные и речные дороги сквозь Пермь в непочатый край манили тогдашнего переселенца точно встарь, при первых ужасах монгольского ига, наши северные дебри, куда за изгнанником-пахарем и упорным насадителем обрусенья трудолюбивым иноком, не дерзал проникнуть неумолимый татарский вершник. Последний в данную пору заменялся опричником, олицетворялся в Иоанновом гневе и связанной с ним жестокой опале... А там, «за богатой Биармией»²⁸ классических писателей, расстилась с еще более неистощимыми подспудными сокровищами многоводная приобская страна с безбрежным кругозором для зверобоя и золотоискателя, с целыми мирами неизведанной шири вдоль Енисея и Лены, за Байкалом и по Амуру...

Гости смельчаков в самый непродолжительный срок перекинулись по ним до океана. Это могло совершиться только потому, что они там не чувствовали себя на чужбине, видели в Сибири что-то совсем родное. Кажущееся нам чрезвычайно грандиозным по масштабу нимало не смущало бесхитростного воображения Ермаков, Хабаровых, Поярковых и других по-своему великих людей, забытых потомством.

Не вспомнить при удаче о Москве, не сознать органической связи с нею даже разбойничьи атаманы сочли бы явным грехом и непростительной изменой. Долг любви к отечеству требовал, говоря былинным языком, чтобы победители послали туда соболиную казну и прочую рухлядь, чтобы руководитель движения чистосердечно изрек батюшке-царю:

Приношу тебе буйную я головушку
 И с буйной головой царство Сибирское²⁹.

Подобное настроение, искони присущее русскому народу, сохранилось до нашего века. Император Николай Павлович, узнав о пребывании в Персии беглых нижних чинов, где им за выдающуюся храбрость и добрые советы в ратном деле против азиатов шахом жаловано было положение при дворе, звание военачальников-телохранителей, наконец целое состояние при согласии перейти в мусульманскую религию, высочайше командировал к ним офицера с Кавказа (из 44-го драгунского Нижегородского полка) с целью вразумить нарушивших присягу, пробудить в них раскаяние и вернуть на родину. Посланный отправился, рискуя жизнью. Те сначала, конечно, и слышать ни о чем не хотели, но мало-помалу смутились, порешили принести по-

²⁸ Биармия (Бьярмия, Бьярмаланд, норв. *Vjarmeland*) – историческая область на севере Восточной Европы, упоминавшаяся в сагах и летописях. – *Примеч. ред.*

²⁹ Из народной песни о Ермаке. – *Примеч. ред.*

винную, согласились отречься от кровью добытых почестей и богатств, только бы государь смилостивился и принял обратно на службу своих законопреступных подданных! В чьей истории искать аналогичных разительных примеров глубочайшего бескорыстия и беззаветной преданности монарху?

В противоположность беспощадной борьбе с коренным населением, которую вели напр. «белые» колонизаторы Америки, достойно внимания относительно весьма человеческое отношение нашего простолюдина к инородческому жизненному строю и правам на существование. Если разные самоеды, остяки и бродячие тунгусы вымирают в силу изменившихся экономических условий, то не из-за жестокости господствующего элемента, а потому что цивилизация часто прививает дикарям страсти и пороки, не встречающие реакции в их душе. Тут виновата не пришлая довольно примитивная культура, но слабые воли, гибнущие от соприкосновения с нею, как насекомые на огне. Нельзя же отрицать, что исчезающим народностям на столетия хватило бы еще простора в северных областях Сибири! Инородцы, сумевшие не подпасть соблазнам, свободно бродят годами в поисках за зверьем, владеют, где им нужно, рыбным царством, по-прежнему занимаются в обширнейших размерах оленеводством и т.д. Туземцы с более определенным национальным обликом (вроде якутов и бурят) в свою очередь стойко выдерживали и выдерживают «мирный» натиск России, дружелюбно принимали всем племенем (в иных областях, напр. в Забайкалье, даже еще тогда, пока менее прозорливые жители нынешней Иркутской губернии оборонялись от казаков) горсть пионеров с Запада, быстро вошли в плотский и нравственный союз с новоприбывшими богатырями, наложили на их непосредственное потомство и последующие восточно-сибирские поколения физический отпечаток своей расы, со вложенною им, однако, в сердце русскою речью, русскою верой, русскою стремительностью духа.

Ничего нет легче для русских людей, как ладить с азиатами. Между ними и нами такое сочетание единомыслия по существеннейшим жизненным вопросам, что некоторого рода родство душ всегда определяется быстро и самым тесным образом. При глубоком, почти коренном различии национального психофизического облика, японец и простого звания русский всё как-то братски ближе друг к другу, чем к европейцам. Житель «страны восходящего солнца» инстинктивно чувствует в нас часть того громадного духовного мира, который мистики наравне с педантичными учеными именуют туманным словом «Восток», т.е. лоно зиждительного покоя, откуда на историческую арену искони выходят святить и озарять нашу юдоль великие миротворцы и монархи-подвижники. Очевидно, не на конституционном Западе просветлели в сознании народов прототипы глашатаев Истины и государей-самодержцев, в которых должна по умирительно-искреннему верованию простых масс жить и «творить благо» близкая к совершенству душа, уже прошедшая длинный ряд обуславливавших одно другое перерождений и нравственных испытаний. В глазах целого миллиарда в известном смысле сознательно убежденных людей верховный правитель есть именно и только Помазанник Божий. Индусы видят в нем воплощение Шивы или Кришны-Вишну, китайцы – отражение Неба, здешние туземцы – потомка «богини солнца», монголы и тибетцы – творческий луч от существа Будд и т.д. В идее все сходятся: престол и скипетр по воле неисповедимых судеб могут становиться уделом и неотъ-

емлемым атрибутом лишь избранных исключительных натур, которые сразу, с детских лет, вступают в область чисто материальной действительности и сложных отношений к человечеству вообще, сохраняя тайные прочные нити непрерывного соприкосновения со сверхчувственной природою вещей.

С момента, что азиатам делаются ясны основы нашей верховной власти, они с нами едины духом. Тяжко плененный на Дальнем Востоке В.В. Головин рассказывает, что когда он показал японцам своеручную подпись государя императора, то они наклонили голову к самому почти столу и с полминуты пробыли в таком положении, лишь после того осмелившись рассмотреть документ. С тех пор прошло много-много лет. При развитии грамотности в «стране восходящего солнца» население хорошо освоилось в общих чертах с тем, что такое Россия.

Глава XVI. Философия истории русского слияния с Азией (Прод.)

С той далекой поры, что над великой златоглавой Москвой, еще незадолго перед этим бывшей маленьким серым городом почти незаметного удельного княжества, почило благословение Святителей и блеснул творческий луч самодержавного сознания, озаривший душу ее правителей, с той далекой поры наступавший на нас огнем и мечом Восток властно притягивает взоры русских людей, будит в них дремлющие силы и сказочную отвагу, зовет их к подвигам и движению вперед за грани тусклой действительности, к славному и светлому неизреченному будущему! Нет и не было ни одного народа на земле, у которого основы прошлого так были бы связаны с судьбами грядущего, как это замечается на росте Русского государства. Западный человек (немец, француз, англичанин, итальянец) за морем должен искать спасения от одолевающей его дома тесноты, на песке строить там, на чужбине, свое временное благополучие и, чем крепче оседает среди нее при наивыгоднейших внешних условиях, тем осязательнее теряет всякую почву под ногами, потому что старушка-родина и он, добровольный изгнанник, являются двумя совершенно отрешенными друг от друга мирами: за океаном, вне самобытно родной жизни, можно добыть деньги и положение, но нельзя сохранить в полной неприкосновенности (разве только искусственно и ненадолго) дух своего народа, его стремления и заветы... Одна Россия не знает, что значит ежегодно высылать за свои пределы, в мертвящую даль, тысячи сынов, не находящих себе пропитания и убежища среди избытка богатств и труда, выпадающего на долю соотечественников. У нас всякому найдутся еще дела на сотни лет, у нас всякий, у кого есть рабочие руки – желанный гость на восточных, или точнее юго-восточных окраинах, где еще неиссякающим родником бьет здоровая жизнь и манит вольная волюшка. В Азии для нас, в сущности, нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух русского народа, свободно плещущего у ее берегов необъятного синего моря. Когда высказываешь столь очевидную истину, то обыкновенно слышишь возражения: «К чему нам это? У нас и так земли много! Мы и теперь уже расплозились и разрослись до чудовищных размеров в ущерб делу управления государством и прямо во вред нашему коренному населению...» Но для Всероссийской державы нет другого исхода: или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой

силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы для русских со временем будут еще опаснее, чем западные иноплеменики. Погибели наше или унижения грядущего, естественно, и в помыслах допускать нельзя! Неизбежный рост Мономахова наследия, торжество над враждебными началами, грядущее главенство России в пределах обширнейшего и многолюднейшего из материков нашему духовному оку представляется вполне очевидным. В древности, и вообще в старину, пока средства сообщения были не в пример труднее и хуже, чем в наши дни, при сношениях с отдаленнейшими окраинами, огромные царства тем не менее легко складывались, крепили и ширились на гранях полуварварской Европы и зыбкого в своих формах Востока. В данное время, когда железные дороги и телеграф с телефоном (не говоря уже о других ежечасно совершающихся важных изобретениях и усовершенствованиях) до последней степени упрощают взаимные связи между странами и народами, едва ли уместно бояться расстояний, отчуждения друг от друга частей единого целого и т.п. Ведь условий пространства на деле почти нет! Что нашим предкам казалось только близким, нам рисуется непосредственно лежащим перед нашими взорами.

Все, что слухом жило и чудилось где-то там, в сказочной области, на краю света, ныне доступно и достижимо после переезда в несколько недель. Двадцатое столетие сулит еще больше неожиданностей в этом отношении. Нельзя усыплять своей мыслью и своего воображения одними предрассудками и мнимыми ужасами от бесспорно готовящихся событий, которые все переинчат.

Если на пороге усложняющегося будущего мы действительно жаждем нравственного исцеления, могучего знания и небывалого подвига «за Русь и Царя», нам следует наперед подумать о том, из чего и как создавалось наше отечество, чья кровь преимущественно струится в наших жилах, какими лучезарными заветами полно наше прошлое. Преобладающее значение в нем всегда выпадало на долю Азии. Она нас крушила, она же нас и обновляла. Исключительно благодаря ей русское мировоззрение выработало образ христианского Самодержца, поставленного Провидением превыше суеты земной, среди сонмища иноверных, но сочувствующих ему народностей. Известный отрывок из «Голубиной книги» характерно отражает положение наших Государей на престол Белокаменной.

У нас Белый Царь – над царями Царь,
И он держит веру крещеную,
Веру крещеную, богомольную.
Стоит за веру христианскую,
За дом Пресвятой Богородицы,
Все орды ему преклонились,
Все языцы ему поклонились:
Потому Белый Царь – над царями царь...³⁰

³⁰ Отрывок из «Голубиной книги» (*Каменная, Глубинная книга, Стих о Голубиной книге*) – русского духовного стиха конца XV – начала XVI века. – *Примеч. ред.*

Народные песни одинаково смотрят на светского Московского владыку. В письме Грозного князю Курбскому еще осязательнее проглядывает сознание боговдохновенности истинно царских помышлений и вечных забот о благе верноподданных: «земля правится Божьим милосердием и Пречистыя Богородицы милостию, и всех Святых молитвами, и родителей наших благословением и последи Нами, Государями своими...» Где и когда, у кого из европейских правителей было больше или столько же смиренномудрия при оценке того, что они собою представляют? Выразить свой взгляд такими словами мог только Царь, глубоко проникнутый восточными умозрениями, что мир во грехе и во лжи, он же, слабый смертный, силен и многовластен лишь незримым покровительством чего-то светлого и бесплотного, что вокруг него творит и чем все держится...

Из этой-то святыни убеждения зародилась незыблемая вера правивших нами и самих управляемых в то, что Русь есть источник и очаг непреборимой мощи, которая лишь усугубляется от натиска врагов. Восток верит не меньше нас и совершенно подобно нам в сверхъестественные свойства русского народного духа, но ценит и понимает их исключительно, поскольку мы дорожим лучшим из завещанного нам родною стариной – Самодержавием. Без него Азия не способна искренно полюбить Россию и безболезненно отождествиться с нею. Без него Европе, шутя, удалось бы расчленить и осилить нас, как это ей удалось относительно испытывающих горькую участь западных славян. Вопрос заключается в том, чьим нравственным именем, чьею единой волей и впредь будет правиться Мономахово наследие...